

Дина Рубина

1970-1980

ОТЛИЧНО ПОЕТ ТОВАРИЩ ПРОЗАИК (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

1980-1990

ВСЕГДА, ВСЕГДА? (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

1990-2000

ЖИЛАЮ ЩАСТЯ. АФТОР (ЭССЕ, МОНОЛОГИ, РАССКАЗЫ)

1990-2000

У АНГЕЛА (ПОВЕСТИ)

2000-2003

КРУЖЕНИЕ ЭХА (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

2004-2005

СКВОЗЬ СЕТОЧКУ ШЛЯПЫ (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

2006-2010

САХАРНОЕ СВЕЧЕНИЕ (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

2006-2010

БОЛЬНО ТОЛЬКО КОГДА СМЕЮСЬ (ИНТЕРВЬЮ, ЭССЕ, БАЙКИ)

Дина Рубина

Больно только
когда смеюсь

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Оформление серии и переплета:
Александр Кудрявцев, студия «FOLD & SPINE»

В оформлении книги использована
репродукция портрета Дины Рубиной
работы *Бориса Карафелова*

В оформлении переплета использованы
репродукции картин *Юлии Николаевой*

Рубина, Дина.

Р82 Больно только когда смеюсь : [сборник] / Дина Рубина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Малая проза).

ISBN 978-5-04-089353-9

У профессионала безукоризненно отлажена связка: «глаза—мысль—рука», «между нами говоря... сюжетов в литературе — всего тридцать шесть», «профессия писателя — отнюдь не всегда «обнажение души»; это скорее строительство своего пространства», «я — человек, безусловно, русского аппарата изъяснения. И в то же время очень чутка к национальным своим корням...», «творчество — смертельная воронка, из которой выхода нет», «и в работе, и в жизни никогда не привлекал общий знаменатель» — это лишь некоторые выдержки из интервью Дины Рубиной 2006–2010 годов. О творчестве, о жизни, о судьбе. Интервью блистательных, потому что редко можно встретить человека, пишущего о литературе, обладающего такой же творческой смелостью, яркостью, эпиграмматичностью, какими наделена Дина Рубина. «Сегодня в прозе побеждает артист», — написала она. Вот если бы и в литературоведении, и в литературной критике было так же!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д., 2017
© Fold&Spine, разработка серии, 2017
© Николаева Ю.,
иллюстрации на переплете, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089353-9

Внесезонная книжка

Искусство повествователя заключается в том, чтобы скрывать от слушателей все, что им хочется знать, пока вы не изложите своих заветных взглядов на всевозможные не относящиеся к делу предметы.

О.Генри. «Короли и капуста»

У меня рухнул компьютер. Причем не в переносном смысле (многие, как известно, используют это слово, когда выходит из строя что-то важное внутри гениальной машины), а в самом буквальном. Рухнул со стола, куда его «на минутку» водрузили арабские рабчие. Они пытались красить потолок в моем кабинете — между третьей молитвой и двадцать третьей чашечкой кофе.

Я примчалась на грохот, увидела останки боевого товарища и пронзительно закричала, как певцы распеваются: на «а-а-а-а». Просто я не знаю достаточно выразительных арабских ругательств. На мой душераздирающий крик явился муж и, убедившись, что очередной жертвой террора стала не я сама, а всего лишь «железный ящик», сказал: все к лучшему, хорошая примета, давно пора купить новый.

— Новый?! — рассвирепела я. — А новую жену тебе не пора присмотреть?!

И наутро под мои причитания мы поволокли компьютер в ремонтную мастерскую.

Там десятилетний на вид подросток проникновенно объяснил, что подобного хлама давненько не видал, что на таких утюгах никто уже не работает и разумнее всего просто подарить его арабским старьевщикам.

— Подарить старьевщикам?! — ахнула я. — Там внутри все мои книги!!!

— О'кей, — невозмутимо отозвался паренек. — Ваши книги я вам вытащу.

И гениальный Саша, не такой уж и малолетний, каким показался в первую минуту, виртуозно извлек из железной могилы все мои тексты.

— Вот тут папка «Мессия» — что это? — меланхолично спрашивал он, глядя в экран. — Выбрасываем-не?

— Это роман! — вскидывалась я. — Роман «Вот идет Мессия!..». Переведен на кучу языков! включен в энциклопедии и словари! награжден премиями! изучается в ...!

— О'кей... — говорил Саша покладисто и переносил текст романа-повести-рассказа в «спасательную шлюпку» съемного диска, чтобы затем внедрить в память новенького, умопомрачительно элегантного компьютера, уже стоящего перед нами на столе.

Постепенно весь мой творческий багаж — после привычного «выбрасываем-не?» и моего ответного па-

нического вскрика — благополучно перекочевал в новую обитель. В разбитом теле старого компьютера еще оставалась всякая чепуха. Так в пустом доме, из которого вывезли мебель, по углам валяются кучки всякого ненужного сора: огрызки карандашей, крышка от баночки, обрывок ленты, прошлогодняя откритка...

— И последняя папка, — сказал Саша. — «Интервью». Выбрасываем-не?

— Выбрасывайте, — я с облегчением махнула рукой. В этой папке хранились мои ответы на вопросы многих журналистов, корреспондентов, обозревателей литературных отделов газет, журналов, альманахов... — за много лет. Ну, в самом деле, к чему хранить это старье? Кому нужны мои стародавние рассуждения о месте писателя в современном мире?

Саша кивнул и привычно подвел «мышку» к значку «удалить». Все-таки странная судьба у этих электронных текстов, подумала я. Жалкая судьба. Они не горят, а просто — щелк! — и бесследно исчезают. Как слова, которые без следа растворяются в эфире.

— Погодите, — сказала я.

Мне вспомнились не то чтобы все эти люди, которые задавали свои вопросы — доброжелательные и с подковыркой, интересные и не очень, оригинальные и привычные, как небо над головой... Все они спустя много лет слились в моей памяти в одного большого читателя, с которым я говорила, шутила, спорила, которому возражала...

Может, оставить на всякий случай, подумала я и вспомнила, как однажды доказывала настырному журналисту, что писатель интересен читающей публике своими книгами, а не рассуждениями.

— Где вы видели хорошо говорящего писателя? — спрашивала я. — Мы по определению люди письменной культуры, одинокие волки, молчаливые буки. Особенно прозаики. Настоящий прозаик, как правило, косноязычен.

— Ну почему же? — весело возражал журналист. — Вы, например, совсем неплохо треплетесь.

— Знаете, Саша, — сказала я компьютерному гению и даже придержала его руку на «мышке». — Оставьте мне и это барахло.

Так началась история книги. Той, которую вы держите в руках.

Началась не сразу, а после целого года тяжелой работы над новым романом — ежедневной каторги, не оставляющей сил ни на что другое. И когда она завершилась и готовая рукопись романа была отослана в издательство, я осталась бродить в тишине квартиры, как всегда после окончания огромной работы истощенная, со звенящей головой и глубоким дуплом в области диафрагмы.

Вяло сидела перед экраном компьютера, прогуливаясь по новостям в Интернете, перебирая огрызки текстов, не вошедшие в работу. Наткнулась и на старую папку с сотнями интервью.

Были там те, что вышли много лет назад, и те, что я давала накануне, в преддверии выхода нового романа. Были суховатые по тону — для «серьезных» изданий, и легкие, даже легкомысленные — предновогодние, например: когда вдруг тебе звонят из знакомой газеты и умоляют «быстренько и юморно ответить на парочку вопросов!»...

Я листала и листала эти электронные страницы долгих разговоров с такими разными собеседниками, разговоров, что перемежаются обычной «трепотней», а то и картинками, вроде той, увиденной мною на одесском пляже, где маленький мальчик с обиженным лицом стоял у самой кромки воды и громко виртуозно сквернословил вслед лодке, в которой отплывала с друзьями его старшая сестра.

(Я и сама не последний человек по части крепких слов, но никогда еще не встречала столь совершенного владения предметом в столь юном возрасте.)

А из-под грибка неподалеку его лениво окликал молодой атлетический папаша:

— Рудольф! Ты почему бранишься? Тебе разрешили?!

Я вдруг поняла, что перед моими глазами вместе со страницами вопросов и ответов проносится жизнь. Жизнь, какая она есть: и серьезная, и трагическая, и занимательная, и смешная. Достойная того, чтобы просто быть.

Да это же книга, подумала я. Это — тоже книга. Надо только перевернуть застывшую в вопросах-ответах жизнь, встряхнуть как следует, сдуть

Дина Рубина • Больно только когда смеюсь

пыль, кое-где отпарить, кое-где подштопать, отгладить уголки... — будет как новенькая! Вернее, будет она такой, какой я захочу ее вспомнить — со всеми байками, персонажами, воспоминаниями, картинками по теме...

И принялась я перебирать ее и перетряхивать — эту свою нечаянную, необязательную, межроманную, внесезонную книжку...

Дина Рубина

Перед проблемой писательского творчества
психоанализ слагает оружие.

Зигмунд Фрейд

Глава 1

«БАЛШОЙ САВЕЦКИЙ ЛИТ-РАТУРА»

Я никогда не раздумываю — о чем сейчас буду писать. Просто беру перо и пишу. Я писатель. Я должен знать свое ремесло. Вот передо мной бумага: я словно клоун на трамплине. И потом, я хорошо знаю синтаксис. Я бросаю фразы в воздух, словно кошек, и уверен, что они встанут на свои лапки. Это очень просто, нужно только знать синтаксис.

Теофиль Готье

— Дина Ильинична, в русском народном сознании статус писателя всегда был чрезвычайно высок. Не буду цитировать известное: «Поэт в России больше, чем поэт...» Прозаики — вспомним Толстого, Достоевского — давали жизнь общественным движениям, влияли на общественное сознание. Как Вы оцениваете место писателя в современном мире?

— Можно для начала я спихну вас с высокой темы? Знаете, вот как летом на речке пацаны: ты стоишь на

вышке, весь в пупырышках, собираешь силенки и мужество, чтобы прыгнуть «ласточкой», а сзади к тебе уже подкрался дружок и ка-ак даст пенделя! И ты летишь в воду под общий хохот — уж как получится, иногда сверкая задницей.

Бог с ним, этим высоким насестом, на котором восседает — или восседал — российский писатель.

Кстати, не помню, кто — кажется, Генрих Белль — говорил, что место писателя в западном обществе помещается, конечно, выше статуса дрессированного тюленя, но значительно ниже статуса уличного акробата.

По поводу общественного, то бишь народного сознания, на которое как бы «влияти» писатели: это пресловутое сознание на любое влияние всегда имело свой, подчас довольно скабресный ответ — какие-нибудь неприличные частушки, поговорки, песенки. Помните:

*«Писателя храфа Толстова-а
я есть незаконнорожденный вну-у-ук.
Подайте мне что-нибудь та-ко-ва-а
из ваших ма-азо-листных ру-ук...»*

Или:

«А нужник те кто будет чистить — Пушкин?»

Знаете, что такое — писатель?

Не так давно в Москву приезжал некий французский литератор по имени Жан Бло. На деле-то его звали просто: Александр Блок. Очень уже старый человек, за девяносто лет. В начале прошлого века его родители эмигрировали из России во Францию. И когда мальчик подрос и, как положено, принялся рифмы лепить, он обнаружил, что некто под именем Александр Блок стихи уже писал,

и неплохие стихи. Тогда юноша взял псевдоним, вполне французский. Но русский язык не забыл, во всяком случае, очень достойно выступал на нем перед публикой.

Между прочим, рассказывал:

— Когда я был маленьким, то ходил с отцом в кафе и очень там скучал. Отец разговаривал с какими-то взрослыми дядями, а я скучал, скучал... И только будучи уже взрослым, понял, что то были — Бунин, Набоков, Алданов... А тогда я страшно скучал...

И вот из зала ему задали примерно тот же вопрос, что-то такое о месте писателя в современном мире. Жан Бло улыбнулся и сказал:

— Друзья мои, давайте вместо заумных рассуждений я просто расскажу вам притчу.

Дело происходит в начале двадцатого века на Бруклинском мосту.

Сидит слепой нищий и держит в руках картонку, на которой написано: «Подайте слепому!»

К нему подходит молодой писатель и спрашивает:

— Ну, и много тебе подают?

— Два-три доллара в день, — уныло отвечает слепец.

— Дай-ка мне твою картонку! — говорит писатель, достает карандаш, что-то пишет на оборотной стороне слезливого воззвания и отдает нищему: — Теперь будешь держать ее вот так!

Проходит месяц, другой... Снова появляется молодой писатель на Бруклинском мосту, подходит к слепому нищему:

— Ну, сколько сейчас тебе подают?

Тот узнал его голос, страшно обрадовался, за руку схватил: